

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата юридических наук Алексеевой Татьяны Сергеевны
на тему: «Изображение человека как предмет преступления»,
по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Диссертационное исследование Т.С. Алексеевой посвящено анализу комплекса общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предметом которых является изображение человека, и имеет своей целью разработку научного результата в виде теоретико-обоснованных выводов по установлению и реализации уголовной ответственности за преступления, предметом в которых выступает изображение человека.

Оценка актуальности темы диссертационного исследования. Изображение человека является одним из нематериальных благ, защита которого осуществляется в соответствии со ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ. Самостоятельным предметом уголовно-правовой охраны изображение человека не является. Гражданско-правовому порядку обеспечения абсолютного права гражданина на собственное изображение или изображение умершего близкого человека не корреспондирует специально предназначенная для охраны такого права уголовно-правовая норма. Вместе с тем при совершении некоторых преступлений изображение человека может выступать предметом преступления или средством преступления и, таким образом, быть включенным в механизм преступного причинения вреда иным объектам уголовно-правовой охраны (чести и достоинству личности, неприкосновенности частной жизни, общественной нравственности, собственности и др.).

Имеются основания полагать, что такой концепт уголовно-правовой характеристики изображения человека начинает себя изживать, как минимум, по двум причинам. Во-первых, возрастает роль изображения человека в социально-экономических отношениях, в которых зафиксированный внешний облик личности используется в качестве предмета гражданского оборота,

средства идентификации субъекта гражданско-правовых сделок и трудовых отношений, что в условиях глобальной цифровизации диктует необходимость юридической, в том числе уголовно-правовой переоценки значимости изображения человека как нематериального блага. Во-вторых, прогнозирование новых видов общественно опасных угроз, связанных с компьютерными технологиями, использующими изображение человека (в частности, дипфейк), требует современного правового осмысления уголовно-правового статуса изображения человека, в том числе выдвинутых в последнее время законодательных инициатив о введении новых уголовно-правовых запретов в этой сфере.

Обозначенные тенденции в еще более развернутом виде достаточно точно охарактеризовала Т.С. Алексеева, в диссертации которой впервые в науке уголовного права изображение человека исследуется в качестве предмета преступления. Автор права, говоря о том, что в данной области разумно ожидать предложений о внесении изменений в действующее законодательство, в том числе уголовное, а для такого регулирования актуальна и необходима соответствующая научная база.

Сказанное позволяет подтвердить актуальность темы диссертационного исследования, его огромную теоретическую и практическую значимость.

Оценка научной новизны диссертационного исследования. В работе предельно ясно обозначены объект и предмет исследования, определены и в конечном счете успешно реализованы его цель и задачи. Структура работы в целом логична и последовательна, рассматриваемые вопросы обеспечивают анализ проблемы в полном объеме, получение автором диссертации новых научных результатов.

Первая глава диссертации «Изображение человека в системе правовых режимов и системе состава преступления» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «Понятие изображения человека» автор диссертации на основе соотнесения понятия изображения человека с понятиями информации, материалов, персональных данных, определяет, какие правовые режимы могут

быть распространены на изображение человека и в итоге делает заслуживающие поддержки выводы об особенностях этого понятия, значимых для целей уголовного права. В частности, многие изображения человека не являются персональными данными, т.к. на их основании без иных сведений не представляется возможным установить личность. К биометрическим персональным данным изображение человека относится только тогда, когда оно, то есть само изображение, используется для идентификации лица; если же из него выделены биометрические идентификаторы, то первичное изображение не будет относиться к биометрическим персональным данным.

Во втором параграфе первой главы автор делает важный с позиции действующего законодательства и складывающейся правоприменительной практики вывод о том, что изображения человека могут быть предметом нарушения неприкосновенности частной жизни (посягательств на личную и семейную тайны, тайну переписки); клеветы и оскорбления; оборота порнографических материалов; возбуждения ненависти или вражды; нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Преступные посягательства на культурные ценности и ряд режимов информации предполагают, что предметом могут быть изображения человека, но в составе иных сведений. При этом изображение человека является предметом преступления не только тогда, когда оно относится к реально существующему или существовавшему человеку, но и тогда, когда не имеет значения, существовал ли в действительности изображённый. Тем самым подтверждается тезис об отсутствии самостоятельного значения изображения человека в системе предметов уголовно-правовой охраны в условиях действующего законодательства.

В третьем параграфе первой главы «Уголовно-правовая защита права на изображение» автор развивает идею об уголовно-правовой охране права человека на изображение с помощью имеющихся в действующем уголовном законодательстве уголовно-правовых запретов нарушения неприкосновенности частной жизни, нарушения тайны переписки,

незаконных действий с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, показывая возможности уголовно-правовой оценки соответствующих преступлений, в структуре предмета которых изображение человека. В итоге автор делает обоснованный научно-теоретический вывод о том, что взгляд на природу права на изображение меняется: развивается коллективный аспект права на неприкосновенность частной жизни, усиливается защита психологической неприкосновенности личности.

Вторая глава диссертации «Типология изображений человека как предмета преступления» состоит из трех параграфов. В первом параграфе этой главы «Изображения, интимные, эротические и порнографические» анализируется вопрос о разграничении интимного, эротического и порнографического характера изображений, значения такого разграничения для квалификации преступлений, предусмотренным статьями 137, 242, 242.1 УК РФ. Следует поддержать теоретическое обоснование автором возможности квалификации по правилу идеальной совокупности противоправных действий с изображением человека по ст. 137 и ст. 242 УК РФ (ст. 242.1 УК РФ), если изображение имеет порнографический характер и нарушает тайну частной жизни потерпевшего. Представляется приемлемым предложение соискателя о декриминализации части незаконного оборота порнографии с одновременной пенализацией в виде квалифицированного состава преступления нарушения неприкосновенности частной жизни, предметом которого являются изображения человека порнографического характера.

Во втором параграфе второй главы «Изображения порочащие, позорящие и содержащие сведения, не соответствующие действительности» обосновывается, как представляется приемлемый для правоприменительной практики, вывод о том, что понятие позорящих сведений является более широким чем понятие порочащих сведений, поскольку наряду с последним, означающим «факт совершения лицом противоправного, аморального, неэтичного или недобросовестного поступка, а равно сведения о заболевании,

представляющем опасность для окружающих, включает иные сведения: в частности, информацию о фактических обстоятельствах, которая, не указывая на какой-либо порочащий поступок потерпевшего, тем не менее является для него постыдной». Такой подход позволяет более полно очертить основание уголовной ответственности за клевету и вымогательство, предметом или средством которых также может быть порочащее или позорящее изображение человека. Затрагивается вопрос о юридической, в том числе уголовно-правовой, характеристике дипфейков. Оценивая прогнозы правового регулирования использования этой технологии автор диссертации справедливо заключает, что «именно категория позорящих изображений в российском праве может быть полезна для конструирования пробела в правовом регулировании дипфейков. Если для составов распространения ложной информации актуален признак «под видом достоверных», то для целей защиты от обобщенного негативного образа допустимо использовать термин «позорящие».

Следует признать заслуживающими внимания аргументы автора в пользу позиции, согласно которой отсутствуют препятствия для признания изображения, фиксирующего факт применения действительного насилия, предметом преступления по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Беспомощное состояние, страдания относятся к той стороне жизни, которая является личной тайной, если она не распространена по согласию лица. Это обладающее научной новизной положение получает развернутое обоснование в параграфе «Изображения, содержащие сцены применения насилия».

В третьей главе диссертации «Действия с изображениями человека» автор в рамках двух параграфов дает уголовно-правовую характеристику противоправным действиям в отношении изображения человека, подразделяя таковые на две группы – действия, направленные на получение изображений человека и действия с зафиксированными изображениями человека. Среди обладающих научной новизной выводов, аргументированных в данной части диссертации, заслуживают внимания следующие:

- сборание и (или) изготовление изображений нецелесообразно выделять в квалифицированный, по отношению к ч. 1 ст. 137 УК РФ, состав;

- общий вывод о нежелательности криминализации хранения изображений человека;

- вывод о возможности криминализации использования изображений человека, если это совершается из корыстной или иной личной заинтересованности;

- выводы о том, что: 1) если в норме содержится указание на распространение и демонстрацию как альтернативные действия – они наполнены самостоятельным содержанием (узким); 2) если объективная сторона выражена в распространении, то оно понимается и как распространение, и как демонстрация (например, в ст. 137 УК РФ); 3) если объективная сторона выражена в демонстрации, то она понимается и как демонстрация, и как распространение (например, для ч. 2 ст. 245 УК РФ).

В заключении диссертации подводятся итоги проведенного исследования, суммируются его основные положения и выводы, формулируются направления для дальнейших научных исследований, связанных с темой диссертации.

Совокупность обозначенных и большинства других заявленных в диссертации в качестве положений, выносимых на защиту, новых научных результатов и выводов подтверждает научную новизну диссертационного исследования Т.С. Алексеевой; которая в общем виде состоит в том, что на основе комплексного анализа российского и зарубежного уголовного законодательства, материалов судебной практики и научной литературы разработана новая уголовно-правовая характеристика предмета преступления в виде изображения человека. Выдвинуты научно обоснованные предложения по установлению и реализации уголовной ответственности за посягательства, предметом которых выступает изображение человека, в частности, предложения по совершенствованию законодательства (декриминализация оборота «взрослой порнографии»), дифференциация ответственности в рамках

ст. 137 УК РФ), а также правоприменительной практики в части рекомендаций по квалификации информационных преступлений, в структуре предмета которых изображения человека (ст. 137, 242, 272, 272.1 УК РФ и др). Изложенное позволяет утверждать о том, что диссертация Т.С. Алексеевой характеризуется внутренним единством, а упомянутые выводы и рекомендации являются новыми в науке уголовного права, составляют основные положения, выдвигаемые автором для публичной защиты, и свидетельствуют о личном вкладе автора в науку.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность. При оценке степени обоснованности научных результатов диссертационного исследования Т.С. Алексеевой обращает на себя внимание методологически выверенный подход к исследованию, тщательная аргументация автором собственного видения решения рассматриваемых проблем.

В научный оборот вовлечено значительное количество научных работ как тех исследователей, которые непосредственно затрагивали проблематику, исследуемую в диссертации (квалификация преступлений против конституционных прав человека, общественной нравственности, «информационных» преступлений, компьютерных преступлений и др.), так и ученых, посвятивших свои исследования различным уголовно-правовым, криминологическим, психологическим, философским проблемам, связанным с темой диссертации, в том числе зарубежные исследования на языке их авторов.

Диссертация выполнена с привлечением знаний из криминологии, гражданского права, конституционного права, сравнительного правоведения, психологии, философии, что свидетельствует о высокой научной эрудиции автора, его основательности в проработке и решении научных проблем.

Обоснование выводов и рекомендаций диссертационного исследования основано на принципе научной преемственности со ссылками на автора и источник, откуда Т.С. Алексеева заимствует материалы или отдельные

результаты, корректной научной полемике, материалах российской судебной практики.

Обоснованность, а также достоверность выводов и рекомендаций диссертационного исследования Т.С. Алексеевой подтверждается правильно избранной методологией и методикой исследования, его нормативной основой и достаточной эмпирической базой.

Активное использование и сочетание общенаучных (анализ, синтез, дедукция, индукция) и частнонаучных (формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический) методов познания, а также исследование правоприменительной практики, позволило автору не только получить новые научные результаты, но и достичь необходимой степени убедительности в их разработке.

Эмпирическая база работы, включающая материалы судебной практики, относящейся к теме исследования, в частности, данные, полученные в результате изучения решений кассационных судов общей юрисдикции по гражданским, уголовным делам, делам об административных правонарушениях (2020–2025 гг.), решений иных судов Российской Федерации по уголовным, гражданским делам, делам об административных правонарушениях (2010–2025 гг.), а также данные судебной статистики (отчеты о числе осужденных за 2016 г., 2020 г., 2024 г.), материалы к шести законопроектам (тексты, пояснительные записки, официальные отзывы и стенограмма заседаний Государственной Думы Федерального Собрания РФ), находят непосредственное отражение в тексте диссертации в качестве предмета исследования либо инструмента авторской аргументации.

Таким образом, теоретическая и эмпирическая основы работы, избранная диссертантом методология и примененная методика научного исследования, полнота и многосторонность анализа правовых аспектов криминализации и дифференциации ответственности за преступления, в структуре предмета которых изображение человека, научная преемственность и опора на уже имеющиеся знания позволяют сделать вывод о высокой степени научной

обоснованности и достоверности результатов исследования Т.С. Алексеевой, аргументированности сделанных ей выводов и рекомендаций.

Вместе с тем, наряду с отмеченными достоинствами работы в диссертации имеются противоречивые, спорные или недостаточно обоснованные выводы и рекомендации:

1. Представляется недостаточно обоснованной с практической точки зрения заявленная в 5-ом положении, выносимом на защиту, рекомендация о квалификации незаконного распространения интимного изображения, имеющего порнографический характер, по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, только в случае установления умысла на причинение вреда общественной нравственности, а не только личности. Если автор диссертации полагает, что отсутствует такой умысел в случае - направления материала в рамках близких межличностных отношений, что не способно причинить вред общественной нравственности и широко распространено, поэтому должно быть признано законным способом реализации своего права на сексуальное самовыражение (об этом речь идет на стр. 111 диссертации), - то Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15.12.2022 № 37, однако, усматривает и в таких случаях посягательство на общественную нравственность в виде распространения порнографических материалов путем направления в личном сообщении конкретному лицу, причем без каких-либо дополнительных условий. На практике, в особенности на этапах досудебного производства, это оборачивается, как правило, всегда вменением идеальной совокупности нарушения неприкосновенности частной жизни и незаконного оборота порнографических материалов.

Конечно, критикуемый тезис автора понятен и в сущности мною разделяется, поскольку особенность общественной нравственности как объекта уголовно-правовой охраны, определяющего общественно опасную направленность соответствующей группы преступлений, заключается в том, что такие преступления причиняют вред не конкретному человеку, а

нравственным устоям социума, т.е. господствующим в конкретном обществе публичным этическим нормам, принципам и ценностям, носящим надындивидуальный характер и распространяющимся на общность людей. Половая мораль, как элемент общественной нравственности, носителем которой является не один человек, а общество, при передаче порнографического материала конкретному лицу, состоящему в межличностных отношениях с распространителем (например, супругу или иному сексуальному партнеру, в том числе бывшему), криминальной угрозе вряд ли подвергается.

Поэтому рассматриваемая рекомендация, а вслед за ней выдвинутое на странице 111 пожелание о том, что «уголовная ответственность за подобные деяния априори будет носить избирательный характер, а потому должна быть исключена», могли бы иметь практическую ценность, если бы автор диссертации снабдила свой тезис конкретными инструментальными предложениями, например, разработкой критериев уголовно-правовой оценки подобных посягательств в качестве малозначительных деяний, или корректировкой соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в направлении ограничительного толкования, наконец, разработкой законодательной модели правовой нормы, исключаяющей преступность деяния в описываемых случаях (например, подобно примечаниям к ст. 151, 228.2, 230, 238 УК РФ).

2. Представляются не в полной мере соответствующими требованиям обоснованности и практической ценности тезисы автора, составляющие 6-е положение, выносимое на защиту, в части уголовно-правовой оценки оборота изображений человека, содержащих сцены насилия, а также законодательного решения о введении в ряд статей уголовного закона отягчающего обстоятельства, в том числе квалифицирующего признака в виде совершения умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет"). Противоречия

заложены в рассуждениях автора в рамках параграфа 2.3 «Изображения, содержащие сцены применения насилия» и связаны с методологическим пониманием насилия в уголовном праве, а также основаниями ответственности за умышленное причинение физического вреда другому человеку и распространение информации, содержащей изображение насильственных действий.

В диссертации сосредоточено внимание на одной из связанных с затронутым вопросом, пока что теоретической проблеме соотношения публичной демонстрации изображения насильственных действий в отношении человека с распространением информации с таким изображением с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по делам о «порнографических преступлениях», совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. К сожалению, не обнаружена попытка решения других, в том числе весьма активно дискутируемых в современной доктрине вопросов, разработка которых могла бы существенно повысить научно-практическое значение диссертации, в частности:

- требуется ли дополнительная квалификация действий виновного, связанного с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационной сети изображения, фиксирующего факт применения насилия, по ст. 137 УК РФ или достаточно вменения вышеупомянутого квалифицирующего признака?

- каковы критерии разграничения уголовно-наказуемого нарушения неприкосновенности частной жизни, предметом которого стало изображение человека, в отношении которого совершаются противоправные, в том числе насильственные действия, от административно наказуемого по ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ злоупотребления свободой массовой информации, которое также выражается в распространении в информационно-телекоммуникационных сетях информации, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных?

- может ли инкриминироваться соответствующий квалифицирующий

признак в случае, когда публичная демонстрация преступления необязательно сопутствует по времени совершению деяния, предусмотренного основным составом (например, при прямой трансляции акта преступления в сети «Интернет»), но следует за его совершением (например, виновный с заранее возникшим умыслом производит видео- или фотосъемку убийства и затем, спустя время, размещает видеозапись или фотоснимки в сети «Интернет» для всеобщего обозрения пользователей сети)?

- какова уголовно-правовая оценка действий лиц, которые только публично демонстрировали в информационно-телекоммуникационной сети информацию с изображением человека, в отношении которого совершается преступление другим лицом – соисполнительство в этом преступлении, иное соучастие в нем либо нарушение неприкосновенности частной жизни?

Может быть критикуемая автором диссертации доктринальная позиция о введении отдельного основания уголовной ответственности за треш-стримы снимет, если не все, то большинство из возникающих вопросов?

3. Вызывают возражения рекомендации автора диссертации в части уголовно-правовой оценки так называемого порнографического вебкама, т.е. демонстрации в прямом эфире в сети Интернет обнаженных половых органов и совершения действий сексуального характера (Алексеева Т.С. Квалификация вебкама как демонстрации порнографии в прямом эфире в контексте обратной силы уголовного закона // Уголовное право. 2025. № 4. С. 3 – 15).

Во-первых, Т.С. Алексеева исключает возможность уголовно-правовой оценки в качестве публичной такой демонстрации, которая осуществляется в закрытом прямом эфире в отношении одного зрителя. Однако, как представляется, публичный характер демонстрации в виде требуемого Пленумом Верховного Суда РФ предоставления неограниченному числу лиц возможности просмотра порнографических материалов может достигаться виновным многоэпизодными действиями, которые в совокупности образуют объективную сторону публичной демонстрации порнографии подобно

продолжаемому преступлению (например, систематическое оказание платных услуг вебкам-моделью отдельным пользователям).

Во-вторых, в отличие от очевидно противоречащей букве уголовного закона экстраполяции квалифицирующего признака использования информационно-телекоммуникационной сети на стадию приготовления к преступлению (п. 20 Постановления Пленум Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37), вряд ли можно вести речь о криминализации порнографического вебкама с принятием Постановления Пленум Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, в котором разъясняется: «Как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, - стриминговых сервисах)». Уголовное законодательство и ранее не исключало возможности квалификации подобного рода деяний по ст. 242 или 242.1 УК РФ с учетом того, что видеоизображение в прямом эфире является порнографическим материалом по смыслу уголовного закона, несмотря на отсутствие его фиксации на материальном носителе. Наличие признака фиксации внешнего облика человека, требуемого для признания его изображения предметом преступления, может обосновываться предусмотренным в пункте 1 примечания к ст. 272 УК РФ понятием компьютерной информации, которая представлена в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Иными словами, электрические сигналы, опосредующие порнографическое изображение человека, могут считаться материалом как предмет преступлений, предусмотренных ст. 242. 242.1 УК РФ.

Кроме того, есть основания полагать, что приведенное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ принято не столько с учетом выдвинутых в доктрине рекомендаций, сколько на основе обобщения имеющейся судебной практики, в которой порноиндустрия-вебкам уже получила оценку в качестве преступной. Поэтому осуждение организаторов площадок вебкама или вебкам-моделей за действия, совершенные до 15 декабря 2022 г., не

противоречит принципу законности в части установления признаков предмета преступления.

Отмеченные замечания носят частный характер, являются поводом для дальнейшей научной дискуссии и никоим образом не умаляют теоретическую и практическую значимость проведенного исследования, положительную оценку его обоснованности и достоверности, научную новизну основных полученных результатов.

Оценка соответствия диссертации остальным критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней. Теоретическое и практическое значение рецензируемой диссертации очевидны. Работа не только концентрирует и систематизирует уже имеющиеся знания по проблеме уголовно-правовой характеристики изображения человека, дифференциации уголовной ответственности за преступления, в структуре предмета которых изображение человека, что значимо для дальнейших научно-исследовательских разработок этой и связанных с ней тем. Содержащиеся в диссертации предложения заслуживают использования в законодательной деятельности по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за преступное использование изображения человека.

Оценивая теоретическое и практическое значение научных результатов кандидатской диссертации Т.С. Алексеевой в целом, их отраслевую принадлежность, можно заключить, что диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи совершенствования уголовно-правового регулирования отношений в сфере противодействия преступлениям, в структуре предмета которых изображение человека, дифференциации уголовной ответственности за их совершение, практики применения действующих уголовно-правовых норм, имеющей существенное значение для науки уголовного права, а совокупность новых научных результатов и положений, выдвигаемых автором для публичной

защиты, соответствуют заявленной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Выводы и предложения соискателя прошли необходимую апробацию в форме обсуждения полученных результатов на научных конференциях и иных научных форумах в гг. Москва, Бишкек, Пермь, Екатеринбург, Казань в период 2022-2024 гг., нашли достаточно полное отражение в пяти опубликованных научных работах автора, выполненных Т.С. Алексеевой единолично. Все работы опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли науки 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

Диссертация написана хорошим литературным языком, легко читается, ее оформление соответствует требованиям к работам, направляемым в печать.

Автореферат соответствует содержанию диссертации, дает целостное представление о ней, содержит изложение основных идей и выводов диссертации, раскрывает вклад автора в проведенное исследование, степень новизны, теоретическую и практическую значимость результатов исследования.

Изложенное позволяет заключить, что диссертация «Изображение человека как предмет преступления», представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук, отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Алексеева Татьяна Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки».

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры управления следственной деятельности
(Высшие академические курсы)
Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

ШАРАПОВ Роман Дмитриевич

03.03.2026 г.

Контактные данные:

тел.: +7(812)3182241, e-mail: kaf-pr@skspba.ru
Специальность, по которой официальным оппонентом
защита диссертации:
12.00.08 – «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

Адрес места работы:

190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 96,
Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»,
кафедра управления следственной деятельностью (Высшие академические курсы)
Тел.: +7(812)3182241; e-mail: mail@skspba.ru

Подпись сотрудника ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации» Р.Д. Шарипова удостоверяю:

